

ВНЕ
ЗАКОНА

Чингиз
Абдуллаев

В
ОЖИДАНИИ
АПОКАЛИПСИСА

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Выбери себе смерть

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Выбери себе смерть / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1995 — (Дронго)

...Исчез сын крупного бизнесмена. Исчез бесследно, словно и не было его на свете. Исчез, хотя и отправился всего-то к компаньону отца. В сопровождении трех многоопытных телохранителей. И ничто в этой истории не предвещало преступления, которое... то ли произошло, то ли нет! Кто сможет отыскать исчезнувшего человека? Кто сможет задать нужные вопросы и отыскать нужные ответы в трех разных странах? Только специальный агент Юрий Дронго.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чингиз Абдуллаев

Выбери себе смерть

«Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее».

Четвертая книга Моисея. Числа, 35: 33

ГЛАВА 1

Он сидел на скамейке, по-стариковски уронив руки, и терпеливо ждал. Ему были неинтересны эти звонкие детские голоса вокруг, суета спешащих куда-то людей, урчание машин и скрежет тормозов. Он не замечал изумительного весеннего утра, когда солнце только пытается согреть окружающий мир. Он сидел один, словно отрезанный от всего мира, пребывая в том самом состоянии, в котором находятся практически все люди, когда они не пытаются что-то изобразить или кем-то притвориться.

Все было ясно. В этом мире он был уже лишний. Он не понимал и не принимал происходивших вокруг перемен. Сначала отменили его партию. Просто утром один президент предложил это сделать другому. И партию закрыли, как закрывают какое-то учреждение по борьбе с крысами, когда угроза миновала. Это был страшный удар. Представить себе жизнь вне партии он не мог. Это было хуже самоубийства, ибо с потерей партии он терял основной нравственный стержень – тот самый, на котором держались все его убеждения и ценности. Затем, через несколько месяцев, прекратил свое существование Советский Союз. Уже подготовленный к этому событиями последних дней, он плакал всю ночь, не понимая, как теперь будет жить. Прекратила существование та самая страна, во имя которой он, собственно, и жил. Во имя этой великой страны он трижды был ранен, еще несколько раз был на волосок от смерти, но костлявая щадила его, словно зная, что в конце жизни он тысячекратно пожалеет о своем везении. Во имя этой страны он отдал все: свою семью, распавшуюся в результате его многочисленных командировок, своих друзей, не понимавших его фанатизма и целеустремленности, свою любовь, когда он отказался от женитьбы на Нине, уже зная, что его ждет командировка в Аргентину. Он отдал этой стране все: свою жизнь, свою молодость, даже свои мысли. И теперь этой страны больше не было. Даже когда в семьдесят пятом его избивали в Кельне фашиствующие молодчики, когда он попытался вступить за женщину, боль была не такой страшной. Там была драка, и, даже когда его свалили пятеро, была надежда. Даже когда ему переломали ребра, была надежда. Даже когда он потерял сознание, была надежда. Надежда на то, что все это кончится. Теперь не оставалось ничего. Не было никакой надежды, а это оказалось самым страшным в его жизни.

Он не стал вступать в новые, наспех сколачиваемые партии коммунистов, его не прельщали идеологи нового рабочего и большевистского движения. В душе у него растоптали костер, огонь которого поддерживал его все эти годы, и уже не оставалось никаких иллюзий.

Когда два месяца назад он впервые встретился с этим обожженным полковником, он уже тогда все понял и рассчитал. Шансов не было никаких, и только поэтому он согласился работать. И удача, и неудача одинаково гарантировали верную смерть, ибо носителей таких секретов в живых не оставляют ни при каких обстоятельствах. Он это прекрасно знал, ибо умел просчитывать варианты. Оставалось покорно плыть по течению. Два месяца напряженной работы, когда приходилось вспоминать десятки имен, названий улиц, городов теперь уже независимых стран. Два месяца работы, во время которой боль и ненависть чуть остыли, продолжая терзать

душу где-то глубоко внутри. Как настоящий профессионал, он представлял, для чего «они» затеяли все это. И радовался. Эта была первая радость, которую он испытывал после развала СССР и КПСС, это была нечаянная радость, словно судьба решила подарить ему напоследок ту самую надежду, от отсутствия которой он так страдал.

Теперь все было кончено. Из него выжали все, что могли. Теперь оставалось только умереть. Он не знал, где это произойдет и каким образом. Но он не боялся. Более того, даже мечтал о мученической смерти, словно это могло послужить еще большему оправданию «их» действий.

Свидание в парке ему назначили еще вчера. После пятидневного молчания. Очевидно, там, на высшем уровне, принималось решение о его судьбе. Наверное, вспомнили и его награды, и его заслуги. Долго колебались. Он усмехнулся: это было так на них похоже. Каждый раз, убирая своего человека, они долго и нудно доказывали друг другу необходимость этого тяжелого решения. Он однажды видел, как, стыдливо пряча друг от друга глаза, они принимали решение. Речь шла тогда о ликвидации Вали, его самого близкого и, пожалуй, единственного друга. Ликвидацию поручили ему как наиболее доверенному лицу предполагаемой жертвы. В этом было что-то изуверское: исполнение всегда поручали самым близким людям жертвы, словно еще раз проверяя их на крови ближнего. Ему было трудно, очень трудно. Но он знал, что машина запущена и остановить ее невозможно. Если он не сумеет ликвидировать агента, то следующий за ним по пятам еще один убийца уберет их обоих. Альтернативы в таких вопросах не бывало никогда. Он все сделал тогда чисто. Валя пошел купаться, а он подсыпал ему в стакан того самого белого порошка, после которого любой патологоанатом с уверенностью констатировал смерть от сердечного приступа. Валя, вернувшийся из ванной, тогда как-то странно посмотрел на него, словно догадываясь о его истинной роли. Но ничего не сказал, даже если догадывался. Валя был настоящим профессионалом. Просто взял стакан, чуть помедлил и, посмотрев другу в глаза, громко сказал: «Твое здоровье». Выпил все, до последнего глотка...

На похороны он не пошел. Это было нарушением правил, но, кажется, его поняли и мило-стивно извинили. Хотя наверняка где-то в его личном деле психолог сделал отметку о некоторой психологической или психической неуравновешенности. Ибо в традициях их учреждения обязательным было присутствие на похоронах своего лучшего друга, убитого по твоему приказу или твоими руками. Это была самая омерзительная традиция, но она была, и ей полагалось следовать неукоснительно.

На дорожке, ведущей к его скамейке, показался тот самый полковник. Сегодня он выглядел хуже обычного. Ему еще не было пятидесяти, и его еще, очевидно, мучает совесть. Он вздохнул: работа есть работа, и лишние эмоции здесь ни к чему. Полковник подошел к нему, сел на скамью, не здороваясь, закурил.

– Что-нибудь случилось? – ласково спросил он у полковника. – Мы не виделись уже столько дней.

– Да, – отрывисто сказал полковник, – просто мы уже закончили работу.

– Я знаю, – кивнул старик, – это была славная работа.

– Да. – Полковник выдохнул сигаретный дым, словно собираясь сказать что-то важное.

Как перед прыжком в воду.

– Не волнуйтесь, – вдруг мягко сказал старик, – я все знаю.

– Что? – немного испугался полковник. – Что вы знаете?

– Вернее, понимаю. Это ваша работа, и не нужно столько эмоций. Вы просто привыкли ко мне за последние дни. А у профессионалов не бывает друзей – только партнеры и враги. Больше никого. – Вы знаете, зачем я пришел?

– Конечно. Иначе для чего вы меня вызывали? Я сорок лет провел на этой работе. Я пришел в наше учреждение тогда, когда вас еще не было на свете. И, уверяю вас, за эти годы я кое-чему научился. Все это суeta. И так, как вы меня будете убивать?

Полковник вздрогнул, посмотрев на старика, как на сумасшедшего.

– С чего вы решили? – заикаясь, спросил он.

– Догадываюсь. Мавр сделал свое дело... – Он посмотрел на свои руки. – Вот этими руками, полковник, я убил столько людей, сколько вам лет. И самого лучшего друга тоже убил. Нет, я не чудовище, я профессиональный убийца. Просто работа есть работа, и ее нужно выполнять аккуратно и профессионально. Таким было мое правило на протяжении всей жизни. Это в последние десять-пятнадцать лет все вы размякли и стали добренькими, а при мне такого быть не могло.

– Они приняли решение, – тихо произнес полковник. – Мы советовались с психоаналитиками.

– Понимаю. Они подсказали вам мой психотип. Конечно, я совсем забыл. Вам нужно было узнать, буду ли я сопротивляться, или постараюсь избежать с вами встречи. Хотя по тем молодым людям, сидящим в «БМВ», я понимаю, что избежать с вами встречи было невозможно. Я прав?

Полковник кивнул, уже не пытаясь что-либо ответить.

Он достал из кармана небольшой пакетик, передал его старику. Тот был немного разочарован.

– Белый порошок, – сказал он мрачно. – Впрочем, все правильно. От чего еще я могу умереть, если не от сердечного приступа. В моем-то возрасте. Этого я не учел.

– Простите, что не учли? Я не понял, – спросил его полковник.

– Нет, ничего. Это я по-стариковски просто думаю вслух. Спасибо вам.

– За что? – изумился полковник. В его взгляде было невольное уважение к этому смертнику, так красиво державшемуся.

– За все. За мою жизнь, за мою работу. Вы наполнили мои последние дни смыслом, подарили уже окончательно рухнувшую надежду, заставили вспомнить молодость. Что может быть лучше этого?

Старик тяжело встал.

– Не провожайте меня. И уберите ваших церберов. Они мне ни к чему. Я не собираюсь скрываться.

– Мы знаем, – кивнул полковник.

– Прощайте. – Старик повернулся, тяжело зашагал по дорожке.

Полковник долго смотрел ему вслед. В конце аллеи трое молодых ребят, расположившись со своими скрипками, играли вальс Штрауса. Старик подошел к ним ближе, выгребая все деньги из кармана.

– Что сыграть, дедуня? – спросил его один из подростков.

– Гимн Советского Союза, – попросил старик.

Ребята переглянулись, пожали плечами, заулыбались.

– Давай Гимн.

Полковник смотрел, как выпрямивший спину старик слушал Гимн последний раз в своей жизни.

Он еще раз отметил, как мужественно держится этот старик. И невольно подумал, сумеет ли он сам так достойно уйти. Ответ на этот вопрос он получил уже через два часа в подъезде своего дома. Его застрелили пятью выстрелами в упор, не дав даже осознать происходящего. Его психоаналитики советовали сделать это быстро и без лишних разговоров. Что и было сделано.

ГЛАВА 2

Невыносимо болела голова. С раннего утра у него было плохое настроение. Сначала пришло сообщение о провале Беркута. Они возлагали такие большие надежды на этого агента. Затем неудача в Минске, когда посланный туда «ликвидатор» выпустил в жертву пять патронов, но агент, вопреки любой логике, остался жив. Правда, это была вина и «ликвидатора»: по правилам он должен был сделать контрольный выстрел в голову или в сердце, но, видимо, увидев залитое кровью лицо жертвы, успокоился. А тому пуля просто поцарапала кожу. Теперь предстоял неприятный разговор с самим директором Службы внешней разведки. Тот никогда не прощал подобных неудач.

Генерал Лукошин работал в разведке уже тридцать лет и хорошо знал степень допустимых провалов, после которых руководителя нужно либо менять, либо убирать. Сегодня, вызвав одного из самых лучших агентов в истории своей службы, он надеялся поправить положение. Дверь бесшумно открылась, и на пороге возник секретарь, молодой капитан лет тридцати:

– Прибыл по вашему указанию полковник Рокотов.

– Пусть войдет.

Полковнику было уже много лет, очень много. Он начинал еще в те времена, когда название их учреждения вызывало панический страх, ибо всевластие органов было безграничным. Пять лет назад ушедший на пенсию полковник продолжал оставаться негласным советником службы, иногда давая исключительно ценные советы. Правда, справедливости ради стоило признать, что иногда он совершенно не учитывал реалии сегодняшней жизни и просто предлагал фантастические проекты, за решение которых никто не взялся бы в середине девяностых годов.

– Как вы себя чувствуете, Матвей Николаевич? – серьезно спросил генерал.

– Сейчас лучше, спасибо. Так, сердце немного побаливало.

– В вашем возрасте вы выглядите великолепно. – Немного лирики генерал еще мог себе позволить. – Дай Бог и мне дожить до вашего.

– Это не всегда счастье, – махнул рукой старик.

– Да, – серьезно подтвердил генерал, – понимаю.

Он помолчал немного и уже затем начал:

– У нас проблемы, дорогой Матвей Николаевич.

Старик кивнул головой.

– Я уже догадался, – спокойно ответил он.

– В Минске наш «ликвидатор» не сумел нормально выполнить задание. Он только ранил намеченного объекта, и тот сейчас в больнице. Мы предполагаем, что он выживет. А если выживет, то может заговорить. Нам пока не хотелось бы принимать никаких экстренных мер: все-таки Белоруссия – не Литва и не Польша. Но и сидеть сложа руки мы не имеем права. Повторная попытка ликвидации может вызвать к объекту повышенный интерес, а нам очень хотелось бы избежать ненужной огласки. Вы понимаете?

– Что с «ликвидатором»? – спросил, подняв тяжелые глаза, Матвей Николаевич.

– Он отозван в резерв, – немного смущенно пояснил генерал.

– Ах, мать вашу! – разозлился старик. – Его нужно было кончать еще там, в Минске. Такие вещи нельзя прощать. Это его профессия, и он с ней не справляется. Значит, профессионально негодный мусор. А что делают с мусором? – жестко спросил он. – Отправляют на переработку, – зло добавил старик. – А вы еще говорите: проблемы.

– Мы уже думали над этой проблемой. Просто я должен был получить согласие директора.

– Так нельзя работать. Это закон всякой спецслужбы. Оступившегося убирают. Иначе нельзя, может потянуться вся цепочка.

– Мы учтем ваши рекомендации, – разозлился генерал. «Этот старик забыл, что сейчас не тридцать седьмой год. И так просто убрать офицера никто не позволит». Но он усилием воли сдержал свой гнев. Этот старик был ему нужен. Очень нужен.

– Да, – немного смягчился Матвей Николаевич, тоже вспомнив о сегодняшних реалиях, – когда в стране такой бардак... Ладно, эту минскую жертву возьму на себя. Срок исполнения – сутки. Устраивает?

– Его охраняют в больнице, – пояснил генерал.

– Хе... – почему-то улыбнулся старик, – это для дилетантов. Знаем, какая охрана бывает в больницах. Небось с утра до вечера думают только о том, как сбежать, пофлиртовать с медсестрами. И потом, у моего возраста есть преимущества. Меня трудно заподозрить. И трудно остановить, генерал. Ты ведь работал у меня в отделе. Забыл, что главное – найти объект? А подобраться к нему есть тысяча разных способов. Значит, плохо я тебя учил. А ведь ты уже генерал.

– Да нет. Наверное, хорошо, раз генерал.

– Тоже правильно, – засмеялся старик. – А теперь давай серьезно. Почему не посылаешь своих ребят? У тебя ведь есть такие асы.

– Нельзя, – чуть понизив голос, сказал генерал, – не имею права. Мы и так можем завалить все дело. А ты формально не в моей службе. В случае чего мы от тебя можем отказаться.

– Понимаю, – кивнул старик. – Нужно дело делаешь, генерал, ох нужное. Если все пройдет хорошо, поставят нам памятники по всей Руси великой. Только если не струсите в последний момент, если снова не дрогнете. Два раза уже не смогли.

– Это не мы, – возразил генерал, – это они, – показал он куда-то вверх. – И в августе девяносто первого, и в октябре девяносто третьего они устраивали Олимпийские игры, клоунские забавы. Теперь такого не будет. Теперь все очень серьезно.

Снова заболела голова. Он быстро принял таблетку, запивая водой.

– Опять голова болит? – спросил Матвей Николаевич. – Это после Афгана, когда тебя там ранили?

– Смотрели меня врачи, говорят, не от этого.

– Ты их много слушай. Я ведь с тобой был на месте. Сколько лет с тех пор прошло? Пятнадцать? Даже не заметил. А взрывная волна была сильной. Я думал, тебе конец, а ты, гляжу, выжил. Ну, думаю, все, теперь до смерти не умрешь.

– Дай Бог. Что-нибудь тебе нужно?

– Конечно. Схожу в лабораторию, посмотрю, что там придумали нового твои эскулапы, да и документы нужно подобрать соответствующие. И потом, не надо меня больше сюда вызывать и еще обращаться «Матвей Николаевич». Просто позвони и скажи, что нужно. Твои ребята могут все объяснить и без тебя.

– Договорились, – улыбнулся генерал.

Старик тяжело встал, зашагал к выходу. У дверей он обернулся.

– Только честно. «Ликвидатор» еще жив?

Генерал засмеялся:

– Старый черт, все ведь знаешь!

– Я так и думал. Ты был мой лучший ученик, – кивнул старик. – В Минске я все сделаю как надо. А ты делай все на своем месте. Мало нас осталось, генерал, очень мало. Может, это наш последний шанс. Придут другие – новые, молодые – и решат, что все правильно, все так и должно быть.

– Не придут, – убежденно сказал генерал, – не успеют.

– Дай-то Бог. Только сплю я плохо, генерал, в последние ночи. Очень плохо. Все думаю, может, и я виноват в том, что произошло. Или мы все виноваты. Чего-то мы не доглядели, чего-то не поняли. Теперь нужно исправлять. Прощай.

Когда за ушедшим закрылась дверь, генерал повернулся к селектору, нажал кнопку.

– Викентий Александрович, это я. Проследите, чтобы в лаборатории никого не было, когда к вам зайдет полковник Рокотов. Да, сам. Специальное задание. Можете выдать любые препараты под мою ответственность. Спасибо.

Он положил трубку. Голова продолжала нестерпимо болеть.

ГЛАВА 3

Выходные дни он любил проводить дома. В эти дни он отключал телефон, оставаясь наконец наедине со своими книгами. Это была его страсть, его безумие, которое доставляло ему такое удовольствие. Его близкий друг однажды неодобрительно пробурчал:

– Ты не можешь пройти мимо книжного магазина, как алкоголик – мимо бутылки. Я тоже люблю книги, но до такой степени...

Эта превосходная степень в полной мере реализовывалась только в выходные дни, когда из журнала, где он работал, никто не звонил, вернее, не мог позвонить. И тишина была наградой за его труды. Но в это утро звонок в дверь раздался уже в половине одиннадцатого. Он нахмурился. Дронго не любил неожиданных визитеров, тем более заявившихся рано утром в воскресенье.

Посмотрев в «глазок», он огорчился еще больше. Перед дверью стоял откормленный молодец лет двадцати пяти – тридцати, видимо, бывший спортсмен, так как его нос был очень профессионально сломан. Конечно, он был не профессионал – это чувствовалось с первого взгляда. Дронго открыл дверь.

– Доброе утро, – глухо проговорил незнакомец с чуть заметным акцентом.

– Доброе утро. Вы, кажется, ошиблись адресом, – весело ответил Дронго.

– Не ошибся, – возразил незнакомец, – это квартира сорок один?

– Да. Но кто вам нужен?

– Вы. – Этот нахал назвал его имя и фамилию. Неприятности только начинались. Но этот акцент, он явно не местный.

– Что вам нужно? – еще раз спросил хозяин дома.

– К вам гости, – сказал незнакомец.

– До свидания, – сухо проговорил Дронго, – я не жду никаких гостей. Придете ко мне завтра в редакцию.

Дронго попытался закрыть дверь, но парень подставил ногу, нагло улыбаясь. «Напрасно он так улыбнулся», – подумал Дронго. Рывком дернув дверь и чуть сбив равновесие этого спортсмена, он нанес сильный короткий удар ему в грудь. Не ожидавший такого нападения, парень охнул и полетел вниз по лестнице.

Завершения этой сцены Дронго уже не увидел. Он просто закрыл дверь. Минут пять была тишина. На всякий случай он проверил оружие – газовый пистолет «вальтер», лежавший на одной из книжных полок. Боевое оружие он дома не хранил.

В дверь снова позвонили. Осторожно посмотрев в «глазок», он увидел пожилого, лет шестидесяти, мужчину с запоминающейся аристократической внешностью. Такому можно было поверить. Он открыл дверь.

– Доброе утро. – Этот тоже говорил с акцентом, только еще более сильным.

«Грузинский акцент», – наконец понял Дронго.

– Доброе утро, – улыбнулся Дронго. – Этот молодой человек пришел с вами?

– Простите его, – показал назад респектабельный незнакомец, – он еще молодой, кровь играет. Я прошу у вас прощения.

Молодой зло сопел носом, но молчал. Подавленно молчал. Внизу на лестничной клетке Дронго разглядел еще двоих. Становилось интересно.

– Будем считать инцидент исчерпанным, – согласился хозяин дома. – Что вам угодно?

– Я хотел бы с вами поговорить, – очень серьезно сказал пожилой незнакомец.

– И для этого вы привели целую компанию плохо воспитанных молодых людей, – усмехнулся Дронго. – Заходите в дом. Только вы один. Остальные могут подождать на лестничной клетке.

– Конечно, – согласился этот странный гость, громко сказав что-то на грузинском. Ребята покорно закивали в ответ.

– Проходите в комнату, – сказал Дронго, тщательно закрывая дверь. – Извините за беспорядок. Я не думал, что у меня будут такие гости. Я вообще не жду гостей в выходные дни.

– Я знаю, – серьезно ответил гость, проходя по коридору, заставленному книжными полками.

– Что-нибудь будете пить? – спросил его Дронго, когда они уселись наконец в кресла.

– Ничего, – покачал головой гость, – у меня к вам очень серьезное дело.

– Слушаю вас. Но сначала представьтесь.

– Меня зовут Давид, – сказал незнакомец. – Давид Гогия.

– Очень приятно. Как меня зовут, вы уже знаете.

– Я знаю. Я даже знаю вашу кличку – Дронго.

Ах, как здорово, восхитился Дронго. Кажется, в российской разведке уже продают агентов пачками, за любую подходящую сумму. Он почувствовал невольное уважение к незнакомцу; узнать его адрес и кличку было делом нелегким даже для ЦРУ или МОССАДа, а тут просто сидел пожилой грузин, так спокойно произносивший все его имена.

– Я не совсем понял, о чем вы говорите, – тем не менее сухо ответил он.

– Не нужно, – махнул рукой Давид, – я пришел не для того, чтобы вас разоблачать. Я пришел за помощью.

Это уже спектакль, раздраженно подумал Дронго. Или где-то в разведке решили таким образом на него воздействовать? Может, это новый трюк психоаналитиков?

– Я не врач. Какую помощь я могу вам оказать? – осторожно спросил он.

– Мне все известно, дорогой. Прости, я буду говорить на «ты», ведь я старше тебя на двадцать лет. Чтобы узнать твое имя, я дал миллион. Миллион долларов заплатил я, чтобы мне назвали самого лучшего, самого опытного, самого толкового специалиста.

«Как просто! – немного разочарованно подумал Дронго. – Заплати деньги – и тебе назовут любое имя, любого агента. Для чего тогда в мире такие мощные разведцентры? Все решает в конечном итоге миллион долларов. И больше ничего не нужно».

– Понимаю, дорогой, – сказал Давид, – ты думаешь, что я могу тебя выдать. Ради Бога, успокойся. Люди, сообщившие мне твое имя, меня строго предупредили. Если сегодня мы не договоримся, я уйду и больше никогда не вспомню твоего адреса и твоего имени. Но, ради всего святого, давай лучше договоримся.

– Ничего не понимаю. О чем мы должны договариваться? Вы пришли ко мне утром в воскресенье, сначала пытались сломать мою дверь, потом назвали какую-то птицу и теперь говорите, что мы должны договориться.

– Не надо смеяться, – поднял руку Давид, – у меня горе, дорогой. Большое горе. Я потерял своего единственного сына.

– У нас в городе?

– Я не знаю где. Но потерял. Скорее всего в Москве. Он полетел туда на встречу, и больше о нем никто не слышал. Я послал за ним двадцать человек. Они перевернули весь город, но моего Реваза не нашли. Не нашли.

Только теперь Дронго заметил эти мешки под глазами, красные воспаленные веки и дрожащие руки. Старик не играл, у него действительно было огромное горе.

Он принес воды из кухни, протянул стакан гостю.

– Выпейте и успокойтесь. Почему вы считаете, что я могу вам помочь?

– Я обращался везде. В милицию, в полицию, в частные бюро. Я просил помощи в разведке и контрразведке. Никто не смог найти моего Реваза. Но один человек сказал мне – есть такой специалист. Он найдет твоего сына из-под земли. От него невозможно что-нибудь спря-

тать. Он найдет Реваза, если... если... если не живым, то мертвым, – наконец выговорил Давид, и глаза его заблестели, – и назовет имя убийцы. Больше мне ничего не надо.

– И вы решили, что я такой человек?

– Ты лучший. Про тебя говорят, что ты великий профессионал. Ты можешь все. Найди мне моего сына.

Такого развития событий он не ожидал. Чего угодно, но только не этого. Правильно он делает, что отключает телефон по выходным дням. Не нужно было даже подходить к дверям в этот день. Но у этого грузина действительно горе. Кроме того, он достаточно долго сидит без работы. Может, стоит рискнуть?

– Проси у меня что хочешь, – неправильно понял его молчание Давид. – Я дал миллион долларов, чтобы узнать твое имя. Теперь я дам тебе еще один. Это все, что у меня есть. Только найди мне сына.

Дронго по-прежнему молчал. Нужно было принимать решение. Такого необычного задания у него никогда не было.

– Как исчез ваш сын? – наконец спросил он.

– Я отправил его в Москву, к своему компаньону. А он пропал, словно сквозь землю провалился.

– Отправили одного?

– Конечно, нет. С тремя лучшими ребятами, лучшими. Но они ничего не знают о Ревазе, ничего не могут сказать. Он пропал из гостиницы, выйдя на минуту, и больше его никто не видел.

– Он вез деньги вашему компаньону?

– Небольшую сумму. Тысяч пятьдесят.

– Его не могли убрать из-за этих денег?

– Не могли. Во-первых, он успел передать всю сумму, во-вторых, мой компаньон – его родной дядя и мой брат. Правда, я все равно следил даже за братом, но здесь все чисто. Мой брат тоже переживает, не зная, что случилось с Ревазом.

– Где теперь эти лучшие ребята? – спросил Дронго.

– На дне Куры, – жестко ответил Давид. – Я предупреждал их по-честному, что они никогда не должны отходить от Реваза. Но перед тем, как отправить их в реку, я лично допросил всех троих. Мы нарезали их спины на ремни, но они ничего не знали. В этом я уверен.

– Не нужно было их убирать, – покачал головой Дронго, – у меня может пропасть желание помогать вам.

– Да? – искренне удивился Давид. – Ты смотри, какой чистенький. А мне говорили, что ты убил людей больше, чем я выпил стаканов вина.

– Еще одно слово – и я не возьмусь за дело вашего сына даже под угрозой новых ремней, – холодно произнес Дронго.

– Гордый, – покачал головой Давид. – Ладно, не обижайся. У вас свои правила, у нас – свои. Нельзя прощать людям плохую работу. Это урок и для других. Разве в вашем ведомстве не убивали провинившихся? Или вы всегда говорили друг другу «мерси»?

– Во всяком случае, мы не нарезали ремней, – возразил Дронго. – Если бы вы знали, как мне хочется выставить вас за дверь.

– Что-нибудь мешает? – поднял глаза Давид.

– Уважение к вашему возрасту. И потом, как бы вы ни пыжились, я все вижу. У вас большое горе, а вы сидите здесь и строите из себя такого всезнающего пахана. Глупо.

Он попал в цель. Лицо гостя как-то дернулось, обмякло.

– Да, дорогой, да. У меня большое горе, – выговорил Давид, – ты меня прости за все. Такой характер дурной. Помоги мне найти сына. У меня было три дочери, когда он наконец

родился. Ты знаешь, что такое сын в такой семье? Я сам смастерил ему люльку, сам учил его ходить. Сам срывал ему вишни с дерева.

Он вдруг всхлипнул.

– Найди мне его. Найди живым или мертвым. Чтобы мать хотя бы знала, где его могила. Чтобы было куда прийти. Я ведь не наивный человек, все понимаю: шансов почти нет. Но найди мне хотя бы его тело.

– Мне понадобятся помощники.

– Бери кого хочешь, – кивнул Давид, – хоть пятьдесят человек.

– Одного. Который пытался сломать мою дверь. Мне он сразу понравился своей глупостью.

– Манучар хороший парень, просто иногда срывается.

– Не поэтому, я из своего опыта знаю – дураки редко предают. На то они и дураки.

Впервые гость чуть улыбнулся.

– Ты философ, дорогой. Что-нибудь еще?

– Постарайтесь в подробностях рассказать, как именно исчез ваш сын.

– Они жили в гостинице «Савой»: он и двое его ребят. Третий находился у моего брата.

Реваз вечером, примерно в пять, вышел из своего номера, постучал к ребятам и сказал, что спускается вниз и скоро придет. Ребятам он приказал, чтобы его не провожали. Мы опросили всех служащих отеля внизу, горничных, дежурных, швейцаров. Кто-то видел молодую девушку. Но больше ничего. Мои люди по одному говорили со всеми киоскерами вокруг «Савоя». Никто ничего не видел. Машина его не тронута, он даже шапку не взял, даже плащ. Спустился вниз в одном костюме. Мы узнали, кто жил в этой гостинице на его этаже в тот вечер. Мы проверяли всех, даже ездили в Польшу, Венгрию, Италию. Может, эти гости что-нибудь слышали. Никто ничего не знает, никто ничего не слышал.

– У него были с собой наличные деньги?

– Несколько тысяч, наверное, было. Но точно не знаю.

– Вы привезли его фотографии?

– Конечно. – Давид достал из кармана пачку фотографий, передал ее Дронго. – Только смотри потом, без меня. Мне очень плохо, когда я их вижу.

– Пойдем дальше. На чем они приехали в Москву? На самолете?

– Да, был коммерческий рейс. Мы проверяли и аэропорт. Там все чисто.

– Ваш брат не говорил о каких-нибудь странностях Реваза?

– Нет, все было в порядке. Он получил деньги, вечером они даже посидели в ресторане. Это в «Метрополе», совсем недалеко от «Савоя»... – Я знаю Москву хорошо, – чуть усмехнулся Дронго.

– Там много выпили, закусили. Вечером, вернее, ночью пешком пришли в «Савой». К Ревазу никто не звонил, не приходил. А на следующий день он исчез.

– Подождите. Давайте по порядку. Он пришел поздно ночью в отель. Они сильно выпили. Кавказский мужчина, кровь играет. У них не было женщин?

Давид опустил голову.

– Были. Брат клянется, что это проверенные шлюхи. С Ревазом были двое. Но мой брат уже уехал. Он просто видел, как женщины поднимались в номер Реваза.

– Охрана подтвердила это сообщение?

– У них тоже были девочки. Да, они все рассказали.

– Вы нашли этих девочек?

– Нашли. Они тоже ничего не знают. Напуганные очень. Они ушли утром, швейцар знает их в лицо.

– Хорошо, пойдем дальше. Когда ваш сын проснулся?

– В одиннадцать утра, они завтракали в номере. Потом поехали в автомобильный магазин, смотрели какие-то новые машины.

– Магазин дорогих автомобилей. Может, на его след вышли рэкетиры?

– Проверили и это. Магазин в этот день был закрыт. Они немного погуляли и вернулись к обеду. Обедали снова в «Метрополе». Реваз и двое его людей. Вернулись в «Савой» в четвертом часу, а в пять вечера это случилось... В «Метрополе» мы опросили всех официантов. Да, его там хорошо знали. Но они просто пообедали и уехали. И все. Он исчез, как сквозь землю провалился, – повторил Давид.

– Если бы вы не поспешили с нарезанием ремней, я имел бы гораздо больше информации.

– Мы искали уже столько дней, столько ночей! Я сходил с ума.

– В любом случае это не оправдание.

– Почти месяц. Ты не знаешь, какая это мука!

– Кстати, я обратил внимание на ваш оборот речи: «как сквозь землю провалился». Вы сказали это дважды. Не совсем характерная речь для вас. Вы говорите с таким акцентом... Это выражение вашего брата?

– Верно.

– Он давно живет в Москве?

– Почти двадцать лет.

– Чем он занимается?.. Какая у него профессия?

– Торговлей, – немного уклончиво ответил Давид, – экспортом разных товаров.

– Если вы будете что-то скрывать, мы не договоримся.

– У него большой объем работ, дорогой. Он вор в законе, большой авторитет в Москве. Даже он не смог найти своего племянника. Мы поставили на ноги всю Москву – всех, кого знали, но ничего не получилось.

– Если я возьмусь за это дело, мне нужна будет помощь вашего брата.

– Конечно, он тебя встретит, устроит, поможет.

– Пока не нужно. Когда понадобится, я вам позвоню. Оставьте мне свои координаты. И его.

– Ты берешь это дело?

– Я еще не сказал свои условия.

Давид обрадовался:

– Проси, что хочешь.

– Плата будет очень высокой. Миллион мне ваш не нужен, мне его просто некуда тратить.

На расходы дадите сто тысяч и независимо от результата еще сто.

– Согласен, – быстро сказал Давид.

– Это первое, а еще есть самое главное условие – второе. Без которого я просто не буду работать.

– Что такое? – насторожился Давид.

– Вы подробно расскажете мне, каким образом на меня вышли, откуда узнали мои данные, имя, фамилию, адрес.

– Не могу, – испугался Давид, – это не могу.

– Тогда мы не договорились, – поднялся Дронго.

– Зачем тебе это нужно, зачем? – спросил Давид.

– Чтобы вы были последним, кто переступает порог моего дома. Иначе это может войти в привычку, а на заказ я не работаю. Здесь не ателье по пошиву брюк. Кроме того, это просто опасно.

– Понимаю, дорогой. Хорошо, я расскажу все. Но напрасно ты настаиваешь. Это не очень хорошая информация.

– Это уже мое дело. Рассказывайте поподробнее. Каким образом вам удалось выйти на меня?

Давид, вздохнув, начал рассказывать.

ГЛАВА 4

Следователь Колчин имел общий стаж работы более двадцати лет. После окончания юридического факультета МГУ он был направлен в городок Плавск Тульской области, где проработал более пяти лет, последовательно: стажером, следователем, помощником прокурора. В 1980-м, когда по всем соседним с Московской областям мобилизовывали административных работников КГБ и МВД для «успешного проведения» Олимпийских игр, Колчину предложили работать в следственном управлении КГБ СССР.

Проверяли его долго, очень долго. К тому времени Олимпийские игры уже закончились, а генерал Чурбанов даже получил орден за их образцовое проведение, когда наконец кто-то из решавших судьбу Колчина подписал его документы. Уже спустя много лет Колчин узнал, что кадровиков смущал дядя его жены, случайно отсидевший в немецком плену более двух месяцев. Дядя затем бежал и два года воевал в партизанском отряде Федорова, но в плену он все-таки был, и уже одно это вызывало серьезные возражения против кандидатуры Колчина, словно дядя должен был знать за сорок лет до этого, что его племянница выйдет замуж за работника прокуратуры, которого потом рекомендуют в Комитет государственной безопасности.

Как бы там ни было, Колчина взяли, и уже спустя два года он получил трехкомнатную квартиру в Москве на свою семью из четырех человек. Перестройку он встретил уже капитаном, а когда начался августовский путч девяносто первого, Колчин имел звание подполковника. Как и многие другие честные офицеры, в душе он презирал Горбачева. Но не меньше презирал и дрожавшего Янаева. В августе они занимали нейтральную позицию, выполняя, однако, все приказы своего непосредственного начальника Крючкова.

Общий бардак в стране к тому времени надоел уже всем. Кроме того, офицеры КГБ как нельзя лучше знали всю обстановку на местах, хорошо осведомленные, за счет каких источников финансируются местные национальные движения и сепаратистские фронты в республиках. Но все завершилось крахом. Августовский путч провалился, заговорщиков арестовали, а Коммунистическую партию запретили. Для Колчина, вступившего в партию еще в армии, это было неприятно, но не так обидно, как многим другим офицерам, пришедшим из комсомольских и партийных органов.

Стоя рядом с Шебаршиным, они видели, как восторженная толпа сносила памятник Дзержинскому. Шебаршин, видевший подобные вакханалии во время иранской революции, был мрачен и задумчив. Колчину еще запомнился его осунувшийся вид и какие-то раненые глаза. На следующий день Шебаршина сняли и новым председателем стал Бакатин. Этот ничего не понимающий в КГБ строитель решил, что здесь могут понадобиться его методы по прежней работе в МВД. Он кричал на подчиненных, откровенно презирал старых офицеров, разогнал многие отделы. Триумфом его бесконтрольной глупости стала выдача абсолютно секретных документов американскому посольству, после чего даже прагматик Горбачев и популист Ельцин поняли, что Бакатина нельзя держать в КГБ. На этот раз выбор был более удачным. Правда, Баранников не был лишен многих недостатков, подозревался в коррупции. Но он хотя бы не разгонял кадры, бережно относился к ветеранам. КГБ сначала соединили с МВД, а затем, когда Конституционный суд признал это незаконным, просто переименовали в МНБ – Министерство национальной безопасности.

Профессионалы, конечно, не любили «милиционера» Баранникова, но терпели его. Правда, довольно быстро и это закончилось. Баранникова убрали, затем убрали еще одного председателя. Потом вообще переименовали их службу в ФСК и закрыли следственное управление.

Несколько месяцев Колчин даже просидел дома, пока наконец не получил назначение в следственный отдел УВД Москвы. Пока он пытался приспособиться к новым условиям работы

и, соответственно, новой специфике, пришел еще один указ Ельцина о воссоздании следственных отделов в ФСК, и Колчина снова взяли на работу в привычное здание и даже посадили в прежний кабинет. Все это, конечно, не улучшило отношения прежних сослуживцев Колчина к Ельцину, считавшемуся разрушителем и анархистом в их консервативной среде.

Дело полковника Бахтамова, которое поручили Колчину, удивляло своей легкостью. Бывший полковник КГБ был застрелен у своего дома неизвестными убийцами. Убийца выпустил в жертву сразу всю обойму, при этом пять выстрелов попали в цель, что указывало на непрофессионализм киллера. Спустя совсем немного времени удалось установить, что Бахтамов сотрудничал с различными коммерческими структурами, нашлось даже подтверждение его причастности к махинации с фальшивыми авизо. Все свидетели в один голос утверждали, что Бахтамова убрали чеченцы за его аферы при распределении денег. Вскоре удалось узнать и имя убийцы, уже отбывшего в Чечню и погибшего на своей родине в результате чьей-то кровавой мести. Двое свидетелей независимо друг от друга подтвердили, как убийца хвастался своей расправой над бывшим полковником КГБ. Дело можно было закрывать, если бы не...

В этом мире даже идеальные расчеты, даже абсолютную логику, даже, казалось бы, неизблемые законы Ньютона может опрокинуть случайность. Или новый закон Эйнштейна, переворачивающий все представления об окружающем нас мире. Все дело перевернул Игорь Костюковский, давний товарищ Колчина, теперь гражданин соседнего государства – Белоруссии.

Они подружились давно, еще на юридическом факультете МГУ, куда москвич Колчин и одессит Костюковский поступили сразу после армии. Костюковский работал следователем по особо важным делам прокуратуры Белоруссии. Если бы в этот день они не поговорили по телефону, ничего бы не произошло. Но их дружба, этот разговор как раз и были той самой случайностью, опрокидывавшей всю хорошо построенную схему.

После взаимных приветствий Игорь коротко рассказал о своей дочери, которая должна приехать в Москву на будущей неделе. Колчин пообещал ее встретить и устроить у себя дома: девочка выросла у него на глазах. Просто Игорь женился, еще отбывая службу в армии.

Он уже собирался положить трубку – междугородные и международные тарифы в этом году поднялись особенно высоко, – когда в ответ на традиционное: «На службе все в порядке?» – Игорь вдруг вздохнул:

– Какой там порядок! Уже пятый день бьемся с убийством одного полковника, ничего не можем понять.

– Какого полковника? – чисто машинально спросил Колчин.

– Да был тут у нас один бывший полковник КГБ. Связан с коммерческими структурами. Подделывал фальшивые авизо. Чеченцы узнали, что он обманывает их при дележе, и убрали его.

– Подожди, подожди, – вдруг начал волноваться Колчин, – как фамилия полковника?

– Иванченко. Да нет, ты его не знаешь. Он работал в каком-то спецподразделении. Давно вышел на пенсию. Просто убийца выпустил в него всю обойму, а убить не сумел. Только ранил. И вот вчера он неожиданно умер от сердечного приступа. Ладно, это наши проблемы. До свидания.

– До свидания. – Колчин положил трубку и минут пять просидел, обдумывая ситуацию. Затем, словно вспомнив что-то, быстро вскочил и заторопился к дверям.

В аналитическом отделе сидел его знакомый – Боря Коробов. Показав удостоверение, Колчин прошел в отдел. На его счастье, Коробов был в кабинете. Он был уже майором, но сохранял детскую, чуть застенчивую улыбку и мальчишеские вихры, словно ножницы парикмахера упорно не брали его прическу. Правда, он был завидно молод, ему только исполнилось тридцать лет. Коллеги считали его гением в области компьютерной техники.

– Здравствуйте, Федор Алексеевич, – приветствовал Колчина Коробов, – давно вы к нам не заходили.

– Времени не было, работы много. Как папа?

С отцом Коробова они работали вместе более десяти лет.

– Все нормально. Ждет, когда вы с ним поедете на рыбалку.

– Обязательно поедем.

– Что-нибудь случилось?

– Нужна твоя помощь. Я расследую дело об убийстве полковника Бахтамова, бывшего нашего сослуживца. Мне нужно узнать, был ли он знаком с полковником Иванченко. Не служили ли они вместе?

– Ничего нет проще. Когда Бахтамов ушел из КГБ?

– После августа девяносто первого. Он работал в отделе «С», спецподразделение «Рай».

– «Ликвидаторы», – усмехнулся Коробов. – Ну и грязная у них работа, скажу я вам. Сейчас проверю.

Еще в пятидесятые годы это спецподразделение кто-то из сталинских сатрапов назвал «Раем», и название с тех пор прочно закрепилось за особой группой «ликвидаторов». Сам отдел «С» занимался устранением нежелательных свидетелей, часто при помощи своего спецподразделения, если не мог использовать другие средства.

Коробов долго возился на компьютере.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал он. – Информация засекречена даже от нас. Сейчас попробую по-другому. – Он снова застучал по клавишам.

– Так не пойдет. Нужно узнать код.

Борис поднял трубку, набирая чей-то внутренний номер.

– Майор Коробов говорит. По заданию подполковника Колчина мне нужно уточнить некоторые данные. Какой код для бывшего отдела «С»? Да, степень допуска соответствует. Нет, подполковник Колчин работал у нас много лет. Просто несколько месяцев у нас не было следственного управления. Какой? Спасибо.

Он бросил трубку.

– Что-нибудь со мной? – спросил Колчин.

– Говорят, еще не успели полностью оформить вам спецдопуск. Вы считаетесь новичком в ФСК. Простите, Федор Алексеевич.

Колчин усмехнулся:

– Ладно, это пустяки. Код сказали?

– Да, сейчас введу, проверю.

Он снова застучал по клавишам компьютера.

– Теперь все в порядке, – наконец сказал он, вчитываясь в текст. – Господи, ну и биография у вашего полковника! Он же просто патологический убийца! У него было обожженное лицо?

– Да, всем говорил, что он обгорел в Афганистане.

– Ничего подобного, – весело сказал Коробов, – он горел в Краснодаре. Там он был серьезно ранен. Есть справка.

– Его подвиги сейчас меня мало интересуют. Проверь, не служил ли он вместе с Иванченко?

– Сейчас установим. – Коробов снова набрал код. – Да, – наконец сказал он, – Иванченко работал вместе с Бахتامовым. Спецподразделение «Рай» – семь человек. Третья, четвертая фамилии – Бахтамов и Иванченко.

– Можешь дать мне фамилии остальных?

– Вообще-то запрещено, вы же новичок в ФСК, – засмеялся Коробов. – Конечно, дам. Сейчас напечатаю.

Через минуту список был в кармане у Колчина.

Еще через десять минут он звонил Игорю в Минск.

– Послушай, Игорь, – немного взволнованно произнес Колчин, – мне очень важно в подробностях знать, как убили Иванченко. В него выпустили всю обойму, верно?

– Откуда ты знаешь?

– И несколько выстрелов даже попали в стену. Правильно?

– Да, но откуда...

– Подожди. А потом ты нашел свидетелей, подтвердивших, что убийца Иванченко был чеченец, который уже погиб у себя на родине.

– Нет, он не погиб. Мы сейчас разыскиваем этого убийцу.

– Не найдете, – устало сказал Колчин, – ни за что не найдете.

– Не понял.

– Ладно, я потом перезвоню, все объясню.

Положив трубку, он сидел, обдумывая новую ситуацию.

Уже готовое на доклад прокурору дело оказалось совсем не готовым. Таких совпадений не бывает. Почти одновременно убирают двух высших офицеров из одной группы. Практически одинаковым способом. В обоих случаях доказывается, что они были замешаны в связях с коммерческими структурами. В обоих случаях разгневанные убийцы «случайно» выпускают в жертву всю обойму. В обоих случаях пять из семи выстрелов или четыре из семи (здесь могут быть варианты) попадают в цель. В обоих случаях убийца известен, но не найден. Нет, таких совпадений не бывает. Это уже схема. И ее кто-то придумал. Значит, его, Колчина, просто провели, обманули, как стажера. Он почувствовал гнев и стыд. Все-таки несколько месяцев без работы сказываются. Он не должен был так легко поддаваться этой «чеченской» версии. На то он и профессионал. Придется все проверить заново. Он поднял трубку, позвонил в отдел баллистической экспертизы:

– Подполковник Колчин. Можно к телефону Элеонору Васильевну? Да, я подожду, спасибо.

Нужно успокоиться и все снова обдумать. Нужно найти ошибку.

– Слушаю вас, – раздалось в трубке.

– Элеонора Васильевна, это Колчин вас беспокоит. Вы проводили баллистическую экспертизу на месте убийства бывшего полковника Бахтамова, помните?

– Конечно. А что произошло?

– Как вы считаете, могли после убийства полковника выстрелить в стену или это было сделано во время стрельбы?

– Практически это сказать невозможно. Стреляли из одного пистолета. Но это вполне могло быть. Только я не понимаю, для чего. Полковник был убит уже третьим выстрелом, остальные два пришили на мертвое тело. Зачем еще два раза стрелять в стену?

– А если убийца хотел просто обмануть нас, показав, что он неопытный стрелок: дважды промазал? – предположил Колчин.

– Это больше похоже на правду. Я еще тогда обратила внимание, что один из выстрелов был точно в сердце, очень профессионально сделан, но решила, что это случайность. Подождите, у нас есть копия акта.

Ждать пришлось недолго.

– А вы знаете, – вдруг удивленно сказала женщина, – похоже, что вы правы. Как интересно! Первый выстрел пришелся в позвоночник, чтобы жертва не могла двинуться. Второй был в живот. Видимо, чтобы он помучился. Третьим выстрелом Бахтамова убили. Два следующих попали в руку и ногу. Да, похоже на правду. Странно, как это я сразу не обратила внимания. Два последних выстрела вполне могли быть в стену, просто для камуфляжа.

– Вы все-таки думаете, что стрелял профессионал?

– Точно сказать не могу, может, я ошибаюсь. Но третий выстрел очень профессиональный. Правда, он не согласуется с последними четырьмя.

- Еще как согласуется, – подавленно пробормотал Колчин.
- Что вы сказали?
- Спасибо вам большое. – Он положил трубку.

Его провели как мальчишку, подсунув липу. Эти выстрелы в стену в Москве и Минске должны убедить следователей, что стреляли непрофессионалы. Именно поэтому можно абсолютно точно сказать, что стреляли профессионалы, причем получившие уже разработанное задание.

Конечно, никто не мог предполагать, что он случайно поговорит с Костюковским и случайно установит связь Бахтамова с Иванченко. Но, раз уж это произошло, теперь он не отступит. Он поднял трубку красного телефона начальника следственного управления.

- Виктор Иванович, можно к вам на прием?
- Через полчаса, – раздался бас начальника управления.

«Нужно попросить еще несколько дней на завершение дела, – подумал Колчин. – Представляю, как будет кричать генерал». Он вчера доложил ему, что дело в принципе завершено. А этот главный свидетель – кажется, Магомедов, – ведь это он уверял, что разговаривал с убийцей. Нужно будет срочно допросить Магомедова еще раз. Пусть потренирует свою память. Потом фальшивые авизо. Их нашли в доме Бахтамова. Нужно еще раз проверить, как они могли попасть к нему в квартиру. Показания других свидетелей тоже нужно перепроверить. Всех до единого. Только теперь он вдруг начал вспоминать, как откровенно и охотно давали показания главные свидетели. Они уже знали, что говорить и как. Значит, сначала Магомедов, потом сожительница Бахтамова – Орлова, наконец еще один чеченец – Умаров. Этот, кажется, работает в какой-то коммерческой организации. Нужно будет сделать официальный запрос в Минск, чтобы прислали копию дела Иванченко. Это преступление нравилось ему все меньше и меньше, если преступления вообще могут нравиться. Просто до сегодняшнего дня он считал, что это обычное убийство, и даже гордился быстрым завершением дела. А его обманули. Нужно еще раз проверить, чем занимался Бахтамов последние три года. Он посмотрел на список группы «Рай». В который раз поднял трубку.

– Боря, снова я. Проверь, пожалуйста, кто из группы «Рай» сегодня работает в ФСК или в службе внешней разведки.

– Сейчас проверю, – раздался веселый голос, и через минуту Колчин услышал: – Никто, Федор Алексеевич, ни один человек. Все уволены из органов еще в девяносто первом, сразу после августовского мятежа.

– Спасибо. – Он осторожно положил трубку. Чем все-таки занимались эти два полковника, если их решили убрать почти одновременно? Вдруг он вспомнил слова Костюковского о смерти Иванченко от «сердечного приступа». Странно, ему должно быть лет пятьдесят. В отдел «С» брали физически здоровых людей. Может, он умер в результате тяжелого ранения? Нет, Игорь четко сказал, что от «сердечного приступа». А если и это липа? Колчин вытер лоб. Как все запуталось!

Зазвонил красный телефон.

– Зайдите ко мне, – пригласил начальник управления.

«Все, – обреченно подумал Колчин, – нужно идти докладывать».

– Слушаюсь, – сказал он по привычке, собирая документы.

В приемной генерала, как всегда, никого не было. Генерал не любил, чтобы его сотрудники ждали в приемной, и сам приглашал их по телефону. Приветливая секретарша, улыбнувшись, кивнула Колчину, показав на дверь кабинета.

В большом просторном кабинете маленькая фигурка генерала Нефедова выглядела как-то несуразно, словно не соответствовала величию его руководящего кресла. Нефедов знал об этом и потому принимал своих сотрудников, сидя за небольшим столиком в кресле. Оба кресла

были с короткими ножками, и посетитель, подогнув под себя ноги, оказывался на одном уровне с Нефедовым.

– Что у вас произошло? – спросил генерал, когда Колчин сел за этот столик, подогнув колени. Ему было легче, чем остальным: он был чуть выше среднего роста. А вот Боря Коробов здесь явно не поместился бы.

– Открылись новые обстоятельства дела по факту гибели бывшего полковника Бахтамова. Я прошу вашего разрешения поддержать у себя дело еще неделю.

– Вечно вы, Колчин, мудрите. Убийца известен, дело раскрыто. Передайте официальный запрос на розыски убийцы, если он еще жив, и закрывайте дело, как только получите сообщение о его смерти.

– Здесь все не так просто, товарищ генерал.

Колчин знал, что в их аппарате не терпели слова «господин».

– Какие новые обстоятельства вы нашли? – спросил Нефедов.

– В Минске убит бывший сослуживец Бахтамова полковник Иванченко.

– Ну и что?

– Они убиты почти одновременно. Одним и тем же способом. При этом в обоих случаях убийца как бы известен, но не найден. Кроме того, в Москве и Минске убийца выпустил в обоих полковников всю обойму и оба раза промазал несколько выстрелов.

Нефедов был профессионал. Он понял все без дальнейших расспросов.

– Сведения из Минска точные?

– Там уголовное дело ведет прокуратура. Мой старый друг Игорь Костюковский. Он мне все и рассказал.

У генерала испортилось настроение. Он не любил громких скандалов и запутанных уголовных дел.

– Что думаете делать?

– Установить настоящего убийцу. У меня есть версия, что чеченский след нам подбросили нарочно. Я постараюсь докопаться до истины.

– Как долго?

– Неделю, товарищ генерал.

– Так мало? Можете не успеть. Берите две недели, – великодушно согласился Нефедов. – Я не люблю, когда убивают бывших сотрудников КГБ. Это всегда грязно и подло. Только постарайтесь не примешивать сюда политику. Вы же знаете, сколько наших бывших коллег работают на мафиозные круги. Будьте осторожны.

– Постараюсь, – впервые чуть улыбнулся Колчин.

– Кстати, забыл вам сообщить. Я подписал представление на вас, – добродушно сказал генерал, – теперь скоро получите еще одну звездочку, станете полковником. Мы засчитали вам весь стаж.

– Спасибо. – Наконец можно было улыбнуться по-настоящему.

Но, оказавшись в своем кабинете, Колчин сразу забыл о новой звездочке. Теперь нужно было искать настоящего убийцу.

ГЛАВА 5

Каждый раз, приезжая в Москву, он испытывал то непонятное волнение, которое бывает лишь при свидании с родным городом. Формально Москва уже несколько лет была столицей другого государства, находясь за рубежом. Но разум отказывался принимать происходящее. Для него, вовлеченного в стихию русского языка и российской культуры, были одинаково дороги два города: место, где он родился, и Москва, бывшая столицей его страны на протяжении более чем тридцати лет его жизни.

Теперь в аэропортах стояли пограничники и таможенники, а прибывающие «гости столицы» вынуждены были заполнять таможенные декларации. Перемены были на каждом шагу. При поселении двоих гостей в гостинице «Россия» с них взяли деньги за принудительную регистрацию в городе, объявили, что справки о регистрации они должны всегда носить с собой и предъявлять по первому требованию милиции.

Манучар настаивал, чтобы они жили в «Метрополе» или «Балчуге», уже успевших стать символами «дикого» русского капитализма, но Дронго предложил «Россию», заказав через людей Давида два одноместных номера. Узнав об этом, Манучар поморщился, однако спорить не посмел.

К этому времени Дронго уже имел свою версию, немного отличную от версии Давида. Он не сомневался, что убитый горем отец проверил все возможные варианты, опросил всех людей, находившихся внизу, в вестибюле отеля, всех соседей по этажу. Объяснение в таком случае могло быть только одно: сам Реваз хотел исчезнуть, и искать его нужно было от противного. Этот вариант Давид, конечно, проверять не стал, он просто не пришел ему в голову.

Весь первый день Дронго изучал подходы к «Савою», несколько раз заходя в отель. Наконец на него обратил внимание портье – молодой человек с аккуратно подстриженными усами.

– Вы кого-нибудь ищите? – спросил он.

– Примерно месяц назад здесь должен был остановиться мой знакомый. Может, вы можете мне его найти?

– Имя знакомого вы помните?

– К сожалению, нет.

Молодой человек прищурился:

– Это будет очень трудно.

В руках Дронго появилась сотенная долларовая бумажка.

– Но вполне возможно. Когда у нас остановился ваш друг?

– В прошлом месяце, четырнадцатого числа. Мне нужны фамилии всех, кто остановился четырнадцатого.

– Сейчас. – Молодой человек уверенно защелкал клавишами компьютера. – Вот список, – сказал он через минуту.

– Еще один список гостей, прибывших пятнадцатого и шестнадцатого. – Дронго достал еще две бумажки. – Не очень много? – спросил он шепотом.

– Вполне, – обрадовался портье, – в самый раз.

– Вы проверяете паспорта прибывших?

– Обязательно. Но иногда постоянным клиентам делается скидка.

– Кто работал пятнадцатого на вашем месте?

– Сейчас скажу. Коля, мой напарник.

– А шестнадцатого?

– Была моя смена.

– Здесь пропал один молодой грузин. Может, вы помните? – спросил Дронго.

– Конечно, помню, его друзья трижды спрашивали меня о нем. Реваз Гогия – он дважды останавливался у нас до этого. И дядю его, Арчила, я хорошо знаю. Да его вся Москва знает.

Молодой человек вытащил из кармана три сотенные купюры и протянул их обратно.

– Если Арчил узнает, мне конец.

– Ничего не узнает. И потом, я его друг, а не враг. Бери деньги, они твои.

Дронго, кивнув, вышел из отеля.

Уже сидя в своем номере в «России», он внимательно изучил списки. После чего позвал Манучара.

От безделья Манучар смотрел все видеопрограммы, которые транслировались по внутренним каналам гостиницы.

Зайдя к Дронго, он развалился в кресле.

– Зачем ты меня сюда привез? – обиженно спросил Манучар. – Чтобы я в гостинице сидел?

– Ничего, немного отдохнешь, тебе на пользу пойдет. И потом, сядь нормально, не люблю, когда в кресле разваливаются. Ты же спортсмен.

Манучар подобрался, но гневно засопел.

– У меня списки гостей, останавливавшихся в «Савое». Четырнадцатого Реваз прибыл вместе со своими ребятами. Вот отметки об их регистрации. Смотри внимательно. В этот день вечером в гостинице зарегистрирован еще один грузин – его фамилия Урушадзе. Ты знаешь этого человека?

– Кажется, нет, – подумав, ответил Манучар.

– Не торопись, вспомни точнее. Может, кто-то из знакомых Давида или Реваза?

– В первый раз слышу, – увереннее ответил Манучар, – никогда не знал про такого человека.

– Хорошо, пойдем дальше. Пятнадцатого зарегистрирован еще один грузин. Его фамилия Пхаладзе. Он приехал с женой. Знаешь такого?

– Какой Пхаладзе? – удивился Манучар. – Он давно умер, еще два года назад.

– Кто умер? – быстро спросил Дронго.

– Гиви Пхаладзе. Это дядя Реваза. Совсем молодым умер, бедняга. Младший брат жены Давида.

– Ничего подобного, – улыбнулся Дронго, – он зарегистрировался в отеле «Савой» на следующий день после приезда Реваза с ребятами.

– Быть такого не может, – испугался Манучар, – я сам был на его похоронах.

– А его жена?

– Он не был женат. Вай-вай, какой ужас! Кто-то воспользовался его документами, – понял наконец Манучар.

– Не кто-то, а сам Реваз, – покачал головой Дронго. – Эх вы, сыщики! Парень просто хотел встречаться со своей подругой втайне от отца и дяди, а вы решили, что его похитили.

– Тогда где он теперь?

– Это уже следующий вопрос. Значит, ты точно знаешь, что Гиви Пхаладзе умер два года назад? Они были похожи с Ревазом?

– Немного, – подумал еще раз Манучар. – Усы одинаковые, оба высокие, стройные. Да что там говорить – какой джигит не похож на своего дядю! Конечно, были похожи.

– Отвечай более конкретно. То, что они были оба высокие, к делу не относится. На карточке в паспорте не видно, высокий человек или маленький. Научись отвечать четко и коротко. Ты когда думаешь, Манучар, я слышу, как ты думаешь, – с таким скрипом работают у тебя мозги.

– Ладно, – кивнул обиженный Манучар, – не нужно издеваться, да. Я тебя задеваю?

– Только не обижайся, я говорю для твоего блага. Пойдем дальше. Ревазу было двадцать семь. Сколько было его дяде Гиви?

– Сорок три. У него было больное сердце.

– Он жил в доме Давида?

– Да, а откуда ты знаешь?

– Вопросы потом. Ты когда-нибудь приезжал сюда, в Москву, с Ревазом?

– Да, несколько раз.

– У него были здесь знакомые девушки?

– Вах! Конечно, были. Дурацкий вопрос задаешь, генацвале. Чтобы у богатого грузина в Москве не было знакомых девушек, – явно брал реванш обрадованный Манучар, – не понимаешь, да? Все девушки города его любили и ждали.

– Все девушки города меня мало интересуют. У него была одна, с которой он встречался чаще других, любил сильнее?

– Не знаю. Нина была, Тамара, Света... Не знаю, дорогой. Всех любил, тратил на них большие деньги. Свете шубу подарил норковую.

– Ты знаешь адрес этой Светы?

– Точно не знаю, но дом помню.

– Сможешь найти?

– Думаю, да.

Манучар поискал глазами стакан. Открыл бутылку боржоми, принесенную с собой, налил воды, выпил.

– Может, спустимся пообедать, хотя уже время ужинать.

– Позже. Давай работать. Нам платят деньги за работу.

– А что я, против? Конечно, давай работать.

– Вспомни, кто еще был у Реваза? Может быть, какая-нибудь девушка или женщина, с которой ему запрещали встречаться?

– Кто запрещал? Вах, – даже подпрыгнул Манучар, – ты нашего Реваза не знал. Разве ему можно что-нибудь запретить, да? Он дикий был, нервный, сразу в драку бросался.

– А если отец не разрешал?

– Отец его любил и делал все, что он захочет.

– Тем не менее он зачем-то взял паспорт своего умершего дяди и зарегистрировался под его фамилией в отеле. Рано утром, когда ребята еще спали. И с ним была женщина. Вот ее фамилия – Коновалова. Лариса Коновалова. Ты знал такую подругу Реваза?

– Первый раз слышу. Какая Лариса? Хотя нет, была одна Лариса. Но ей было лет сорок, и она любила друзей Реваза, а не его самого. Других Ларис я не знаю.

– Как это – любила друзей? Спала с ними, что ли?

– Какой непонятливый! Конечно, спала. Нет, в люльки играла! Проститутка, да.

– Нет, на наш вариант не подходит. Здесь есть ее номер паспорта. Нужно будет встретиться с Арчилом, пусть поможет нам установить, когда и кем выдан этот паспорт на имя Коноваловой. Хотя, судя по номеру, это заграничный паспорт. И дядин паспорт тоже заграничный. Он что, был дипломатом? Почему у него дипломатический номер паспорта?

– Ай, дорогой, ничего ты не понимаешь! – с чувством понятного превосходства ответил Манучар. – Кем был Гиви Пхаладзе? Братом жены самого Давида Гогия. Знаешь, кто такой Давид? В Грузии еще три человека таких, как он. Шеварднадзе, Китовани и сам Иоселиани. И еще Давид Гогия. А ты спрашиваешь, был дипломатом или не был? Да он получил дипломатический паспорт раньше, чем министр иностранных дел Грузии. Понимаешь?

– Эту лирику мне трудно понять, но постараюсь. Давид тоже вор в законе?

– Он первый. Самый настоящий. А его брат Арчил – первый здесь, в Москве. Он все может – все что захочешь.

– А Реваза найти не сумел. Или не захотел?

– Думай, что говоришь. Арчил и Давид родные братья. Они все равно найдут Реваза. И, если мальчика кто-нибудь тронул, вся семья этого несчастного будет проклинать тот день, до последнего человека.

– Как я не люблю ваш воровской жаргон! – поморщился Дронго. – Всю жизнь не любил вашей «малины». Нашли чем гордиться. Ладно, давай дальше работать. Значит, у Гиви мог быть дипломатический паспорт?

– Точно был, – твердо заявил Манучар. – Слушай, пойдем поужинаем, а? Голова болит страшно.

– Сейчас пойдем. Последний вопрос. Реваз не был женат – может, его хотели женить в Грузии, точно не знаешь?

– Конечно, хотели. Но насильно – никогда. Разве можно грузина заставить жениться? Ни за что! – гордо заявил Манучар.

– Все, идем обедать. Сейчас ты начнешь рассуждать о менталитете грузинского народа, а этого я уже не вынесу.

– Обижаешь, да, – вскочил Манучар, – весь народ обижаешь, да?

– Дурак ты, – спокойно ответил Дронго. – Я вырос на Кавказе. Среди моих друзей были грузины, армяне, азербайджанцы, русские, евреи, татары, лезгины. Разве я могу сказать что-то плохое в адрес твоего народа? Тебе сколько лет?

– Двадцать девять.

– Тебя еще не было на свете, когда я впервые увидел Тбилиси. И полюбил этот город на всю жизнь. Отец любил возить меня туда. А ты говоришь – обижаешь. Пошли ужинать.

За ужином Манучар, выпив триста граммов водки, немного развеселился, глядя на танцующие пары. Дронго, не любивший водку и почти не употреблявший спиртного, только пригубил свою рюмку. Через час, когда они поднимались в свои номера, Манучар сказал немного заплетающимся языком:

– Я должен провожать вас до самых дверей. У вас седьмой этаж, у меня пятый. Я поеду с вами.

– В следующий раз. Тоже мне спортсмен, пьянеешь от трехсот граммов, – покачал головой Дронго, выталкивая Манучара из лифта.

Он поднялся на свой этаж и, взяв ключи, прошел в свой номер. Открыл дверь и вошел внутрь. В кресле уже сидел пожилой господин лет пятидесяти. Худое запоминающееся лицо, быстрый цепкий взгляд, красивые руки. Он был слишком похож на Давида, чтобы можно было ошибиться.

– Здравствуйте, Арчил, – спокойно сказал Дронго, проходя и усаживаясь на кровать.

– Ты меня знаешь? – удивился Арчил.

– Меня послал в Москву Давид, – просто ответил Дронго, – чтобы я помог с розысками его сына и вашего племянника.

– Ага, теперь понятно, – кивнул Арчил, – ты тот самый профессионал, про которого нам говорили наши друзья в разведке. Кажется, Дронго, правильно?

– Вашим друзьям я оторву головы, чтобы они больше ничего не говорили, – добродушно произнес Дронго. – Тоже мне разведчики.

– Они друзья, а чего не сделаешь ради друга. Ты сегодня был в «Савое», – метнул на него быстрый взгляд Арчил. – Все знаю, дорогой. Мне уже рассказали. Все знают: я тоже ищу Реваза. Если что утаят – умрут страшной смертью. А умирать никто не хочет. Зачем тебе списки гостей? Мы проверили всех, кто был на одном этаже с Ревазом.

– А по всей гостинице?

– Зачем? Всех гостей, что ли?

– Вот списки. Реваз зарегистрировался под именем своего дяди со стороны матери – Гиви Пхаладзе. С ним была еще какая-то женщина, Лариса Коновалова. Вы случайно не слышали такую фамилию?

– Нет, – покачал головой Арчил, с удивлением глядя на списки. – Какой ты умный! Я такого даже не представлял. Ты действительно большой мастер.

– Для этого как раз большого ума не нужно. Если человек исчез без всяких следов и нет никаких свидетелей, значит, человек сам хотел исчезнуть. Обычная логика.

– Об этом мы не подумали, – признался Арчил, почесав голову. Дронго обратил внимание на его роскошный перстень. – Мы были в таком состоянии, что не сообразили этого.

– Вы можете узнать, кем и когда был выдан паспорт Коноваловой?

– Конечно. – Арчил пересел на стул рядом с телефоном и, взяв списки, набрал чей-то номер. – Слушай, Крысанов, это я, Арчил. Большая помощь нужна. Узнай, когда и кому был выдан паспорт на имя Ларисы Коноваловой. Паспорт заграничный. Ты не понял? Я сказал «кому», чтобы узнать ее адрес. Где она живет, понимаешь? Когда позвонишь? Я буду ждать. – Арчил положил трубку. – Завтра утром мне сообщат.

– Есть еще один вариант. Пятнадцатого Реваза и его спутницу в отеле прописал некий Коля. Может, мы можем узнать подробности у него?

– Слушай, – еще раз удивился Арчил, – ты откуда такой умный? Поехали быстрее. У меня машина с ребятами стоит у западного входа. – Со мной приехал Манучар, может, возьмем и его? – спросил Дронго.

– Не надо. У меня есть своя охрана.

– Я не для этого, – усмехнулся Дронго. «Ну и психология у этих ребят!» – подумал он.

Через несколько минут они уже мчались на роскошном «Мерседесе» Арчила через весь город. Арчил, позвонив прямо из автомобиля, узнал адрес дежурившего в тот день Коли. За ними, не отставая, шел еще один «Мерседес» с тремя боевиками явно кавказского происхождения.

Они добирались долго, почти целый час. Наконец оба автомобиля въехали во двор девятиэтажного дома.

– Поднимемся вдвоем, – предложил Арчил.

Они еще долго ждали, пока придет лифт, затем медленно поднимались на восьмой этаж. Потом долго стучались. Никто не отвечал.

– Может, я позову кого-нибудь из ребят? – предложил Арчил.

– Не нужно, – сказал, осматривая замок, Дронго, – я постараюсь открыть дверь.

К своему удивлению, он возился долго – целых двадцать минут. Арчил терпеливо ждал, выкурив две сигареты «Кэмел». Он предложил их Дронго, но тот, никогда не куривший, отказался, обратив внимание на характерный прикус Арчила на окурках сигарет. Наконец дверь открылась. Всюду горел свет. Играла музыка.

– Наверное, хозяин скоро придет, – предположил Дронго.

Арчил, кивнув головой, прошел в одну из комнат. Дронго, осмотрев коридор, двинулся следом. На полу с разбитой головой лежал хозяин квартиры.

Арчил достал еще одну сигарету.

– Кажется, он мертв, – спокойно сказал он.

Дронго осторожно наклонился над телом убитого, потрогал пульс.

– Тело еще теплое, – озабоченно сказал он. – Его убили за несколько часов до нашего прихода, может, даже еще позже.

– Кто-то знал, что мы приедем, – понял Арчил. – Интересно получается.

– Кроме вас и меня, не знал никто, – возразил Дронго, поднимаясь.

– А Манучар? – Арчил сохранял абсолютное спокойствие.

– Он был весь вечер со мной. Мы расстались за минуту до того, как я вошел в номер.

- Значит, это ты, – спокойно сказал Арчил.
 - А может, ты, – так же спокойно парировал Дронго.
- Между ними лежал еще не остывший труп.

ГЛАВА 6

В последнее время Колчин все чаще задумывался над семейными проблемами ветеранов КГБ. Как правило, у обычных офицеров, работавших в отделах и управлениях центрального и местных аппаратов, все было в полном порядке – у разведчиков, специалистов широкого профиля, курсировавших по странам мира, оперативников семейная жизнь не налаживалась. Они словно моряки уходили в плавание на долгие месяцы, оставляя семьи, и не все жены выдерживали такое изнурительное ожидание. Семьи распадались, а вновь и вновь отъезжающие офицеры не спешили заводить новые. Миф о верных супругах, ждущих своих мужей десятилетиями, оставался только мифом. В жизни все было мельче и грязнее.

У погибшего Бахтамова тоже не удалась семейная жизнь. Жене надоели его частые отлучки, и она, хлопнув дверью, просто ушла к другому, уведя с собой пятилетнего сына. Другой был старшим продавцом комиссионного магазина этого островка капитализма в прежнем строго социалистическом мире.

Уже выйдя на пенсию, Бахтамов нашел другую, еще не совсем опустившуюся, женщину, и поселился у нее. Клавдия Орлова была в молодости красивой женщиной, но с годами появился тяжелый подбородок, морщины под глазами, оплыла фигура. Кроме того, она почти двадцать лет одна растила двоих детей после смерти своего первого мужа, а это никогда не проходит бесследно для женского лица и характера. Вызвав ее утром по телефону, Колчин позвонил в УВД города, попросив обеспечить явку Магомедова и Умарова. Орлова пришла точно в назначенное время. Она была немного удивлена, зачем еще она могла понадобиться этому страшному учреждению, которого, несмотря на все демократизации, сильно побаивалась.

Сначала разговор шел о пустяках. Колчин расспрашивал Орлову о ее жизни, обещал помочь с пенсией Бахтамова. Они, правда, не успели зарегистрироваться, но по еще бывшим советским законам при ведении совместного хозяйства можно было рассчитывать на пенсию погибшего друга.

– Скажите, Клавдия Николаевна, – спросил вдруг Колчин, – в прошлый раз вы говорили мне, что знали о связях вашего мужа, – он называл Бахтамова все время только так, – и некоторых чеченцев. Вы сами присутствовали на их встречах?

– Присутствовала, – подтвердила женщина низким голосом, – приходили. Я ему все время говорила: не доведут до добра эти азиаты. Уж я их, разбойников, знаю.

– А вот эти бланки платежных поручений, которые мы у вас нашли, вы раньше видели?

– Не помню, – удивилась Орлова. – Вы тогда спросили: это ваши? А я в бумагах его не разбиралась, царство ему небесное, строгий был человек, не любил, когда трогали его вещи. Ну, коли из моего дома вышли, стало быть, мои. Я и сказала, что наши.

– А вы до этого таких бумаг не видели?

Орлова снова внимательно посмотрела на бумаги.

– Если подумать, нет, кажись, не видела.

– У вас был кто-нибудь дома после смерти вашего мужа?

– Все были, – удивилась женщина, – народу пришло немного, но люди были. Его друзья, мои родные, дети. Я от детей ничего не скрывала. Хороший человек был.

Она уже готова была пустить слезу, когда Колчин выхватил фотографию, полученную утром из Минска.

– А вот этот человек к вам не приходил?

Орлова долго рассматривала фотографию Иванченко.

– Нет, – убежденно сказала она, – никогда его не видела, никогда не приходил. Это точно.

– В прошлый раз вы сказали, что ваш муж несколько раз встречался с Умаровым. Как они договаривались о встрече?

– Звонили и договаривались, – удивилась женщина.

– Кто звонил обычно первым? Ваш муж или Умаров?

– Муж звонил. Этот чеченец не посмел бы звонить, да у него и нашего телефона не было. Просто он приезжал, когда муж его вызывал.

– Вашего мужа убили прямо в подъезде дома. Простите, Клавдия Николаевна, вы убеждены, что это были чеченцы?

– А кто же еще? – удивилась женщина. – Кто, кроме них, окаянных, решится на такое? Они, точно они.

– Но соседи никого не видели, только слышали выстрелы.

– Мне Умаров сказал еще на похоронах, – вспомнила вдруг женщина, – жаль, мол, Бахтамов, хороший был человек. А этот подлец Хаджиев кого хочешь может убить.

– Он вам сказал, что это сделал Хаджиев? – насторожился Колчин.

– А кто же еще? – спросила Орлова. – Вы ведь пистолет его нашли и пальцы, на нем оставленные. Его пальцы, Хаджиева?

Оружие они действительно нашли, и довольно быстро. Экспертиза подтвердила, что именно из него был убит бывший полковник спецподразделения «Рай» Бахтамов. На оружии были отпечатки пальцев Хаджиева. Тогда это дало возможность сделать торжествующему Колчину окончательный вывод об убийце. Теперь он прекрасно понимал, почему они так быстро нашли оружие. Кому-то было выгодно свалить все это на чеченцев. Кто-то очень местный выпустил всю обойму, дважды выстрелив в стену, чтобы видели почерк дилетанта, кто-то подложил им Хаджиева и его оружие. Точно по такой же схеме убрали в Минске полковника Иванченко. Или он умер сам? Нет, теперь Колчин не верил в сердечные приступы бывших офицеров КГБ. Нужно будет затребовать и протоколы вскрытия. Пусть эксперты центрального аппарата посмотрят еще раз.

Он сделал пометку у себя в блокноте.

– Давайте пропуск, – сказал он женщине, – я отмечу его.

Когда Орлова ушла, он снова позвонил в УВД. По прежнему месту жительства ни Магомедов, ни Умаров не значились. В самой Чечне сразу несколько группировок по-прежнему боролись за власть, ведя боевые действия друг против друга. Правда, боевые действия шли как-то вяло, но в них гибли десятки человек. Найти в таких условиях Хаджиева не представлялось возможным.

Он поднял трубку, позвонив в оперативный отдел ФСК. Трубку взял майор Варламов, давний знакомый Колчина.

– Слушаю вас, Федор Алексеевич, – обрадовался Варламов.

– Просьба к вам есть, ребята. Срочно нужно найти двух чеченцев. Может, поищите по своим каналам? А то УВД будет искать целый год. Вы же знаете, как работает наша милиция.

– Знаю, – засмеялся Варламов, – сейчас пришлю парня. Вы ему передайте все материалы. Поищем ваших подопечных. Только если опять этот Хаджиев, то не стоит его искать. У нас есть точные сведения о его смерти. Погиб он в Грозном.

– Да нет, я хотел бы встретиться с его друзьями.

– Сейчас пришлю нашего человека, – снова повторил Варламов.

Не кладя трубку, Колчин попросил соединить его с Минском.

Через полминуты трубку поднял Костюковский.

– Что-нибудь произошло? Опять ты из-за этого Иванченко, – засмеялся Костюковский. – Я уже не рад, что сказал тебе.

– Слушай, Игорь, это очень интересное дело, – убежденно ответил Колчин. – Вы не могли бы прислать нам протокол патологоанатомической экспертизы? Нам это может понадобиться.

– Хорошо, сейчас передам по факсу. Он у вас остался прежний?

– Тот же самый. Утром мне передали фотографию Иванченко.

– Я и не знал. Здорово работаешь, следователь Колчин. Сейчас прикажу переслать тебе акт вскрытия тела. Только это ничего не даст. Сердечный приступ, тут все чисто.

– Посмотрим, – не согласился Колчин.

Он долго думал, оставшись один, пока очередной телефонный звонок не прервал его размышления.

– Федор, ты? – Он не сразу узнал глухой голос своего друга.

– Пашка, – удивился Колчин, – что произошло?

– С Борей неладно, – ответили на другом конце провода, – его сегодня машина сбила.

– Не может быть! – холодея, закричал Колчин, сжимая трубку.

– Сейчас в больнице. Говорю отсюда. Врачи говорят, может... В общем, шансов мало.

– Какая больница? Сейчас приеду.

Колчин бросил трубку и уже побежал к дверям, когда случайно увидел на столе компьютерную распечатку группы «Рай», данную ему вчера Коробовым.

Он тяжело опустился на стул.

«Быстро очнулись», – с внезапной ненавистью подумал он.

Долгие годы работы в аппарате КГБ научили его не верить случайностям. После вчерашней распечатки Коробова сшибла машина. Это был факт, пока ничем не опровергнутый. Разумеется, еще была возможность случая, но он, как опытный профессионал, начисто исключал такую возможность, чувствуя, что наконец выходит на след.

К нему постучались.

– Войдите! – крикнул он.

Молодой лейтенант, получив фотографии Магомедова и Умарова с их адресами и данными, кивнул, попросив разрешения удалиться. После его ухода Колчин подошел к сейфу, достал свое оружие, проверил его, переложил в карман.

– Ну, сукины дети, – громко сказал он, – вы мне ответите за Бориса, если он умрет. Все до единого.

Выходя, он хлопнул дверью с такой силой, что в соседних кабинетах осыпалась на пол штукатурка.

ГЛАВА 7

Они стояли друг против друга, выразительно глядя в глаза. Первым не выдержал Арчил.

– Кто же его мог убить? – спросил он.

– Во всяком случае, не я, – просто ответил Дронго. – Тогда мне незачем было сообщать вам его имя.

– И не я, – мрачно заявил Арчил, – я узнал о существовании этого парня только перед выездом.

– Ничего подобного. Вы могли узнать об этом раньше. Когда получали информацию от своего человека в «Савое», – возразил Дронго.

– Думаешь, что говоришь! – разозлился Арчил. – Я сам убил своего племянника, да? Соображаешь, с кем ты разговариваешь?

– Только без глупых угроз. Испугать меня нельзя, а смерти я давно не боюсь. Давайте уйдем отсюда, чтобы нам не приписали это убийство. Дома у него вряд ли мы найдем что-нибудь интересное.

Уже сидя в «Мерседесе», Арчил задумчиво произнес:

– Значит, ты был прав. Этот Коля мог знать, где находится Реваз. Но почему такая спешка? И почему сразу убивают? Достаточно было пригрозить. Это не наши люди. Слушай, может, ты что-нибудь понимаешь?

– По почерку на ваших действительно не похоже, – согласился Дронго. – И потом, в квартире все было в порядке. Это не обычный разбой. Преступники очень торопились, они явно опасались, что мы успеем раньше. Интересно, что такого страшного мог знать этот несчастный парень?

– Думаешь, знали, что мы приедем? – понял Арчил. – Значит, этот сука портье работает сразу на две стороны?

– Не обязательно. Могли просто обратить внимание на его компьютерный запрос. Это легко проверить. И сразу поняли, что кто-то ищет Реваза по второму кругу. А его нужно спрятать. Но вот почему? Если Реваз мертв, он уже ничего не скажет. Значит, он жив. А какую опасность он может представлять?

– Не знаю. Сам думаю. – Арчил нахмурился.

– Может, кто-то из ваших конкурентов-соперников решил просто пощекотать вам нервы?

– Я им пощекочу, – мрачно пообещал Арчил. – Никто не посмеет такого сделать.

– Тогда в чем дело? Куда исчез ваш племянник? В любом случае поиски нужно продолжать с гостиницы.

– Договорились. А я узнаю утром, кто такая эта Коновалова.

– Только с одним условием: ничего без меня не предпринимайте. Это и в ваших интересах.

– Ладно, – нехотя буркнул Арчил.

У гостиницы оба автомобиля резко затормозили, и Дронго вышел из машины.

Спал он плохо. В гостинице топили с таким ожесточением, что термометр порой показывал более двадцати пяти градусов и ему приходилось часто открывать окно.

Утром его разбудил звонок Арчила.

– Я послал за тобой машину, – просто сказал он, – приезжай быстрее.

Вчерашнее происшествие как-то сблизило их. Приехав в огромный офис Арчила, Дронго с удивлением узнал, что известную коммерческую фирму контролирует группа Давида – Арчила. Последний принял его в кабинете президента фирмы.

– Мы выяснили, кто такая эта Коновалова. Она раньше работала у нас секретаршей. А я, старый дурак, совсем забыл. Ларисой звали.

Арчилу принесли какую-то таблетку и стакан воды. Он, морщась, проглотил, отпустив парня, дежурившего у его кабинета.

– Ведь я сразу подумал, что слышал такую фамилию. Эта девушка нравилась Ревазу, он одно время даже за ней ухаживал. Но почему, почему он ничего мне не рассказал?

– Она была вашей секретаршей?

– Нет, у вице-президента этой фирмы работала. У Кольчужкина. Его сейчас нет, он в командировке.

– Она давно уволилась?

– Полгода назад. Я и не думал, что она встречается с Ревазом.

– Во всяком случае, он зарегистрировал ее как свою супругу. Где она живет, знаете?

– Конечно, уже послал людей.

– Я же просил, – укоризненно произнес Дронго, – не нужно суетиться. Это все так не стыкуется. Одно убийство уже произошло.

Раздался телефонный звонок. Арчил поднял трубку.

– Да, – раздраженно сказал он, – здесь твой напарник. Приезжай прямо сюда... Манучар звонил, – сказал он, положив трубку. – Совсем голову потерял. Тебя ищет. Сейчас приедет к нам.

– Сколько лет было Ларисе Коноваловой?

– Двадцать два.

Девушка внесла два стакана чая, конфеты, печенье.

– Ты завтракал? – спросил Арчил у гостя. – Принеси нам бутерброды и бутылку коньяка, – приказал он девушке.

– Я не пью, – поморщился Дронго. – Тем более утром.

– Ты странный какой-то. Обычно ваши разведчики пьют как лошади и курят всегда самые лучшие сигареты. А ты какой-то не такой.

– Я не разведчик. Я был экспертом ООН.

– Все знаю, – замахал руками Арчил, – каким экспертом ты был. Знаешь, сколько заплатил Давид, чтобы узнать твой адрес?

– Знаю. К этому мы еще вернемся после нашей истории.

Раздался еще один телефонный звонок.

– Слушаю, – поднял трубку Арчил.

Видимо, на том конце провода говорили что-то очень неприятное. Лицо его побагровело, он начал задыхаться.

– Как это пропала! – закричал он наконец. – Куда пропала? Пусть узнают у матери, куда могла деться ее дочь. Соседей опросите. Переверните там все вверх дном, но найдите эту девушку.

– Я же предупреждал, – разозлился Дронго. – Что случилось?

– Пропала она, – зло ответил Арчил, – фраернула нас всех. Кто мог подумать, что она и Реваз... – Он ударил кулаком по столу так сильно, что его стакан подпрыгнул.

– Давно пропала? – спокойно спросил Дронго.

– Мать говорит, что дней двадцать – двадцать пять. Видимо, вместе с Ревазом. Но ее мать утверждает, что дочь уехала на юг, на курорт.

– Как вариант – может быть, – задумался Дронго, произнеся эти слова вслух, – но нам не подходит. Реваз наверняка за эти дни мог бы позвонить, дать о себе знать. Кроме того, у него при себе было всего несколько тысяч долларов. А для его разгульной жизни этого мало.

Арчил кивнул в ответ.

– Значит, мое предположение было правильным. Парень намеренно оторвался от своих опекунов, зарегистрировался в соседнем номере под именем своего дяди и зарегистрировал

девушку как свою жену. Причем он сделал ей заграничный паспорт. Куда они могли поехать? У нее могла быть виза в паспорте? Вы этого не узнали?

В ответ его собеседник поднял телефонную трубку.

– Крысанов, это снова я. Узнай, была ли в ее паспорте виза. И в какую страну. Да, срочно. Я жду. Правда всегда дорого стоит.

Он положил трубку.

– Сукин сын, – без гнева закончил Арчил, – еще денег хочет. Почему они все такие продажные, эти пираты?

– Кто? – не понял Дронго.

– Ну мусора эти, милиционеры. Раньше тоже встречались продажные, а теперь все поголовно. Все время просят денег. И все им мало.

– Конкуренция, – пожал плечами Дронго. – Таких банд, как ваша, развелось слишком много. И все деньги дают. Вот они и привыкли.

– Почему банда? – обиделся Арчил. – Мы серьезным делом занимаемся, коммерцией.

– Вчера видел твоих охранников. С такими рожами коммерцией не занимаются. Это, правда, не мое дело, я всего лишь ищу твоего племянника, но, честно говоря, не люблю всех воров, тем более воров в законе.

– Храбрый ты очень. Все в лицо говоришь. Мне еще таких слов никто не говорил. Нет, вру. Был один в камере, говорил громкие слова. Этой ночью его и кончили. А ты молодец, ничего не боишься. И голова у тебя здорово работает. Как это ты сразу вышел на Ларису? Мои дураки всю гостиницу обшарили, а такого придумать не смогли.

Девушка принесла бутылку коньяка и большой поднос с бутербродами.

– Оставь все и уходи, – приказал Арчил, сам разливая коньяк по фужерам. – Не брезгуй. Одну рюмку можно. Пью за тебя. Ты человек духовой, отчаянный. Мне такие нравятся. Найдешь Реваза или его похитителей – и я буду твоим должником на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.